

ПЛАНЫ «НЕЙТРАЛЬНОГО» БЛОКА НА БАЛКАНАХ И БОЛГАРО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ВЕСНОЙ 1939 г.

Захват гитлеровцами Чехословакии и итальянская оккупация Албании весной 1939 г., положившие начало предвоенному политическому кризису в Европе, поставили государства Юго-Восточной Европы перед непосредственной угрозой фашистского порабощения, резко обострили противоречия в этом районе между двумя империалистическими группировками. Агрессивные действия «оси», означавшие крах Мюнхенского соглашения, заставили его вдохновителей в Лондоне и Париже несколько усложнить свою политику, направленную на соглашение с Германией и Италией: «с одной стороны, еще больше активизировались попытки направить германскую агрессию дальше на Восток, а с другой — началась серия дипломатических маневров со странами Восточной и Юго-Восточной Европы, имевших целью прежде всего косвенно «нажать» на третий рейх, повысить в его глазах столь низко павшую цену своей дипломатии и своего политического авторитета».¹ При этом прямые переговоры Англии и Франции с Советским Союзом, начатые в середине апреля 1939 г., дополнялись попытками под прикрытием политики «гарантий» и региональных соглашений создать на Балканах и в Дунайском бассейне военно-политический блок, способный выступить против Германии в случае, если бы Гитлер все-таки повернул на Запад. Подобный «нейтральный» блок, связанный политически с западными державами, мог быть использован и как разменная монета на случай сговора между Лондоном и Берлином на антисоветской основе.

Гитлеровская дипломатия ставила целью своей политики в странах Юго-Восточной Европы, в частности в Болгарии, нейтрализовать маневры англо-французской дипломатии, прервать политические и экономические связи этих стран с англо-французским блоком и превратить их в аграрно-сырьевые придатки германского империализма.² Для достижения этой цели гитлеровцы широко

¹ Д. М. Проэктор. Агрессия и катастрофа. Высшее военное руководство фашистской Германии во второй мировой войне. 1939—1945. Изд. 2-е. М., 1972, стр. 55.

² И. Н. Чемпалов. Итало-германские переговоры о военном сотрудничестве и разграничении сфер влияния в Юго-Восточной Европе и Средиземноморском бассейне (март—июнь 1939). — В сб.: Балканы и Ближний Восток в новейшее время, вып. 2. Свердловск, 1973, стр. 7.

использовали экономическую и политическую зависимость малых придунайских и балканских государств от держав «оси», а также методы прямого дипломатического давления и шантажа, искусно играли на противоречиях, веками накапливавшихся в этом районе Европы.

*

14 марта 1939 г., накануне вступления гитлеровцев в Прагу, германское правительство приняло решение предоставить Болгарии новый кредит для перевооружения армии.³ Хотя переговоры об этом шли с осени 1938 г., размер и условия предоставления кредита еще не были определены. С 17 марта, когда статс-секретарь германского МИД информировал о кредите болгарского посланника в Берлине, переговоры на эту тему в течение месяца были средством постоянного давления на болгарское правительство.⁴ Решение о военном кредите Болгарии не случайно было принято в момент, когда болгарский премьер-министр Кыосеиванов отправлялся с официальным визитом в Анкару (с 15 по 21 марта 1939 г.).⁵ существовала реальная угроза, что западные державы ответят на оккупацию Чехословакии укреплением Балканской Антанты, включив в нее Болгарию. Однако нерешительность Запада, а также открытый нажим со стороны Берлина заставили Кыосеиванова резко изменить дух переговоров в Анкаре: ревизионистские требования к соседям вновь заслонили возможность урегулирования на путях развития Салоникинского соглашения. Болгария не отказалась от своей выжидательной позиции.

Активные действия с целью привлечь Болгарию в состав Балканской антанты английская дипломатия предпринимает уже в начале апреля 1939 г., когда вслед за итальянской оккупацией Албании Англия распространила свои гарантии на Румынию и Грецию и предприняла шаги с целью укрепить свои стратегические позиции путем создания на Балканах прозападного блока, «который предотвратил бы развал балканского соглашения как регионального пакта и создал бы барьер против германского проникновения в Средиземноморье и на Ближний Восток, который... подтолкнул бы германскую экспансию на Восток».⁶ Инициативу в урегулировании болгаро-румынских территориальных споров взяла на себя Турция, которая имела наибольшее воздействие на болгарское правительство, так как Болгария не имела к ней территориальных претензий, и которая уже на протяжении ряда лет пыталась иг-

---

³ DGFP. Ser. «D», vol. 5, № 314, p. 415—416.

⁴ Ibid., vol. , № 17, p. 17—18.

⁵ Ibid., № 67, p. 75—76.

⁶ Z. Avramovski. Attempt to form a neutral blok in the Balkans (sept.—december 1939). — «Studia Balkanika». Sofia, 1971, № 4, p. 124.

рать роль посредника между Болгарией и ее соседями.⁷ Однако все попытки турецкого министра иностранных дел Сараджоглу добиться присоединения Болгарии к Балканскому пакту в середине апреля закончились безрезультатно.⁸ Английские гарантии лишь укрепили румынское правительство в нежелании идти на территориальные уступки; в свою очередь болгарское правительство отказывалось от присоединения без предварительной ревизии границ.

Со своей стороны Германия предпринимала решительные действия, чтобы предотвратить переход балканских стран, в частности Болгарии, к сотрудничеству с англо-французской политикой давления на державы «оси»: 12 апреля, накануне предоставления гарантий Румынии и Греции, МИД Германии уполномочил своих представителей в малых европейских странах предупредить соответствующие правительства, что Германия будет рассматривать попытки примкнуть к политике «окружения», «любое участие или связь с такого рода комбинацией как направленное против нее» и будет «соответственно реагировать».⁹ Болгарский монарх, к которому, согласно указанию Риббентропа, 13 апреля обратился германский посланник Румелин, категорически заявил, что «за последнее время не было предпринято попыток вовлечь Болгарию в английскую политику окружения». Царь Борис весьма неодобрительно отозвался о такого рода комбинациях и добавил, что, по его мнению, Англия «стареет».¹⁰

В момент острой дипломатической борьбы, когда правительства западных держав вынуждены были начать прямые переговоры с СССР о коллективном отпоре агрессорам, а также приступили к подготовке союзного договора с Турцией,¹¹ гитлеровцы использовали наиболее весомый козырь в борьбе за Болгарию — вопрос о военных кредитах. 17 апреля в Берлин на празднование 50-летия Гитлера прибыла представительная болгарская делегация во главе с председателем Народного Собрания Болгарии Ст. Мошановым. В ее составе были и приглашенные для переговоров о кредите на вооружение министр финансов Божилов, министр торговли Кожухаров, а также начальник генштаба генерал Русев и командующий ВВС полковник Бойдев.¹² В день приезда болгарские министры в сопровождении посланника Драганова посетили статс-секретаря германского МИД Вейцекера и в переговорах с ним настаи-

⁷ Л. Живкова. *Англо-турските отношения. 1933—1939*. София. 1971, стр. 141. См. также: H. Knatchbul-Huggessen. *Diplomat in peace and war*. L., 1949, p. 154—155; E. Vere-Hodge. *Turkish foreign policy. 1918—1948*. L., 1951, p. 98—99.

⁸ DBFP. Ser. III, vol. 5, № 62, p. 109—110; № 63, p. 110; № 173, p. 207.

⁹ Ibid., № 186, p. 228.

¹⁰ Ibid., № 190, p. 232—233.

¹¹ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г.—август 1939 г.). Документы и материалы. М., 1971, № 239, стр. 336—337; № 246, стр. 341—342.

¹² DGFP. Ser. «D», vol. 6, № 415, p. 547—548; № 656, p. 904; «The Economist», 1939, 13. V, p. 370.

вали на том, что «в существующей угрожающей ситуации Германия должна немедленно поставить Болгарии снаряжение для двух дивизий» со складов чешской армии, а также высказались против намерения немцев предоставить оружие в обмен на валюту. 18 апреля, после встречи со Ст. Мошановым, Риббентроп отдал распоряжение увеличить кредит до 45 млн. марок и принять меры, чтобы вооружение, о котором просили болгарские министры, было отправлено немедленно.¹³

19 апреля 1939 г. в болгарской столице состоялось секретное совещание сотрудников МИД под председательством Кюсеиванова. В нем приняли участие посланники в Белграде (И. Попов) и Лондоне (Н. Момчилов), а также сотрудники министерства Стоилов и Алтынов. Для информации о ходе переговоров о военных кредитах из Берлина срочно прибыл П. Драганов. В результате этого совещания появилась известная Директива № 19 от 19 апреля 1939 г., направленная для руководства всем болгарским представительствам за границей, которая призвана была подчеркнуть мирный характер и «независимость» болгарской внешней политики.¹⁴ Эта директива получила широкую и весьма противоречивую трактовку в болгарской и советской историографии.¹⁵ Наиболее существенным, на наш взгляд, является то, что директива со всей определенностью свидетельствует о нежелании правительства Кюсеиванова отказываться от ревизионистских притязаний к своим соседям, об отказе его присоединиться к какому-либо объединению балканских стран, направленному против держав «оси». Зафиксированная в ней «выжидательная позиция» во многом объясняется тем, что, как указывалось в документе, «попытки получить оружие в кредит [у западных держав. — Ю. К.] окончились неудачей».¹⁶ Выжидательная политика, курс на проведение которой утверждался в Директиве № 19, не означала отказа от ревизионистских притязаний: уже на следующий день после совещания, 20 апреля, выступая в парламентской комиссии по иностранным делам, Кюсеиванов заявил, что его правительство «предпримет все усилия, чтобы восстановить бывшие болгарские границы, включая Южную Добруджу и Фракию».¹⁷ Болгарский премьер подчеркнул, что лишь при этом условии Болгария сможет вступить в Балканскую

¹³ DGFP. Ser. «D», vol. 6, № 218, p. 268.

¹⁴ Н. Генчев. Външнополитическата ориентация на България в навечерието на втората световна война (септември 1938—септември 1939). — ГСУ, философско-исторически факултет, кн. III—история. София, 1967, стр. 316.

¹⁵ Там же, стр. 315—316; Л. Б. Валев. Болгарский народ в борьбе против фашизма (накануне и в начальный период второй мировой войны), М., 1964, стр. 21—22; Д. Машев. Прогерманската ориентация на българското правителство в навечерието на втората световна война. — ГСУ, юридически факултет, т. V, 1964, стр. 43—45; И. Н. Чемпалов. Итало-германские переговоры о военном сотрудничестве..., стр. 14—15.

¹⁶ См. текст директивы: Л. Б. Валев. Болгарский народ в борьбе против фашизма..., стр. 20—21.

¹⁷ Централен държавен исторически архив (ЦДИА), ф. 176, оп. 7, д. 570, л. 126—128.

Антанту.¹⁸ Заявление Кыосеиванова явилось не просто отказом участвовать в создании на Балканах прозападной группировки, а прямой уступкой гитлеровцам накануне подписания соглашения о военных кредитах. В то же время болгарское правительство решительно отмежеввалось перед гитлеровцами от известной декларации президента Рузвельта,¹⁹ американскому посланнику в Софии было заявлено, что правительство Болгарии не может быть удовлетворено этим посланием, которое преследует цель «кристаллизовать статус-кво» и может быть использовано против болгарских планов территориальной ревизии.²⁰ Таким образом, позиция, занятая болгарским правительством в момент острого политического кризиса середины апреля 1939 г., несмотря на субъективно-нейтралистские установки правителей монархо-фашистской Болгарии, была серьезным успехом гитлеровской дипломатии.

21 апреля генерал Русев и вернувшийся в Берлин после совещания в Софии Драганов подписали с заместителем заведующего экономико-политическим отделом МИД Германии К. Клодиусом секретный протокол о предоставлении Болгарии нового германского кредита.²¹ В соответствии с протоколом компетентные болгарские органы получили право «заключить контракты с немецкими фирмами на поставки военных материалов, за исключением самолетов, на общую сумму в 45 млн. рейхсмарок». Со своей стороны болгарское правительство обязалось не только расширить поставки сырья в Германию, но и принять меры к совместной с германскими монополиями разведке и разработке новых сырьевых месторождений. Немецкие фирмы получали преимущественное право на «эксплуатацию этих минеральных источников», их продукция «должна направляться преимущественно в Германию» в счет оплаты кредита. Подписанием болгаро-германского соглашения гитлеровцы сделали для Болгарии важное исключение: в директиве для ОКВ от 25 марта 1939 г. Гитлер распорядился продавать оружие балканским странам только за валюту или за товары, заменяющие валюту.²² Хотя по условиям нового соглашения болгарская армия в ближайшие месяцы могла получить в основном лишь легкое стрелковое вооружение, подписание протокола от 21 апреля 1939 г. поставило программу перевооружения Болгарии в полную зависимость от Германии, способствовало дальнейшему укреплению прогерманской ориентации не только болгарской экономики, но и внешнеполитического курса.

Для держав «оси», несмотря на то, что каждая преследовала

---

¹⁸ «Правда», 1939, 21 апреля.

¹⁹ СССР в борьбе за мир..., стр. 684; DGFP. Ser. «D», vol. 6, № 200, p. 243—245.

²⁰ FRUS, 1939, vol. 1, p. 154—155; Л. Б. Валев. Болгарский народ в борьбе против фашизма..., стр. 22.

²¹ DGFP. Ser. «D», vol. 6, № 243, p. 303. Секретный протокол между Болгарией и Германией от 21.IV. 1939.

²² Ibid., № 99, p. 119.

на Балканах лишь собственные, противоположные интересам партнера цели, общим было стремление сорвать попытки английской дипломатии укрепить Балканскую Антанту, расколоть этот региональный блок. С этой целью в конце апреля в переговорах с югославским и венгерским правительствами итало-германская дипломатия предложила в противовес Балканскому пакту создать блок, включающий Югославию, Венгрию и Болгарию.²³ Одновременно с целью любой ценой сорвать заключение англо-турецкого союза в Анкару был направлен опытный германский дипломат-шпион Ф. фон Папен.²⁴ В этих условиях проблема консолидации Балканской Антанты приобретает для западных держав особую актуальность. Находившемуся в Лондоне с 23 по 26 апреля румынскому министру иностранных дел Г. Гафенку было указано на необходимость урегулирования болгаро-румынских отношений и «включения Болгарии в Балканскую Антанту ценою уступки Южной Добруджи».²⁵ В то же время Гафенку получил задание использовать предстоящее посещение Рима и Белграда для того, чтобы выяснить возможность использования итальянских планов на Балканах для раскола «оси».

Обострение дипломатической борьбы на Балканах, попытки итало-германской дипломатии сколотить здесь профашистский блок убедили Советское правительство в необходимости скоординировать тройственные переговоры в Москве с англо-турецкими и советско-турецкими переговорами, оно приняло решение направить в Анкару заместителя наркома иностранных дел В. П. Потемкина.²⁶ 26 апреля по пути в Турцию Потемкин сделал кратковременную остановку в Софии, где в беседе с Кыосеивановым выразил «стремление Советского правительства дружески помочь Болгарии отстоять свои национальные интересы и независимость».²⁷ Встреча эта имела характер предварительного зондажа позиции Болгарии. Сообщая о ней английскому посланнику Дж. Ренделу, Кыосеиванов отметил намерение Потемкина достичь «соглашения с турецким правительством относительно общих усилий по сопротивлению агрессии». Болгария, по словам Кыосеиванова, «будет приветствовать любое такое соглашение».²⁸ Однако уже 30 апреля в публичном выступлении болгарский премьер вновь подтвердил неизменность территориальных претензий к соседям, требуя возвращения к границам 1913 г.

3 мая 1939 г. Драганов сообщил директору политического отде-

²³ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, д. 570, л. 155; DBFP. Ser. III, vol. 5, № 279, p. 314. См. также: Н. Д. Смирнова. Балканская политика фашистской Италии. Очерк дипломатической истории (1936—1941). М., 1969, стр. 125—129.

²⁴ Подробнее см.: И. Н. Чемпалов. Из дейността хитлеристкия посланик в Анкари Франц фон Папен... — «Исторически преглед», 1962, № 2, стр. 54—59.

²⁵ DBFP. Ser. III, vol. 5, № 278, 279, 285; G. Gafencu. The last days of Europe. Newhaven, 1946, p. 107—108.

²⁶ СССР в борьбе за мир..., № 254, стр. 349—350.

²⁷ Л. Б. Валев. Болгарский народ в борьбе против фашизма..., стр. 29.

²⁸ DBFP, Ser. III, vol. 5, № 292, p. 341.

ла МИД Германии Э. Верману, что «...политика Великобритании, так же, как и Турции ...направлена на то, чтобы вовлечь Болгарию в Балканский пакт в обмен на неравноценные уступки в Добрудже и на превращение Балканского пакта в антигерманское образование». ²⁹ Однако он отрицал возможность присоединения Болгарии к подобному блоку, так как ее претензии не ограничиваются одною Добруджей, а касаются также Греции и Югославии. Для большей убедительности Драганов подчеркнул, что от Греции болгары не удовлетворятся «даже согласием на выход к Эгейскому морю», так как главное не это, а «настоятельная необходимость в сфере колонизации для крестьянского населения». Естественно, реализация этих требований «невозможна до тех пор, пока ее [Болгарии.— Ю. К.] вооружения не возрастут должным образом», то есть всецело зависит от Германии. Одновременно, желая рассеять опасения гитлеровцев относительно приезда Потемкина, ответственный чиновник болгарского МИД Алтынов сообщил гитлеровцам, что «визит Потёмкина в Софию был просто визитом вежливости и ничего конкретного не обсуждалось». ³⁰

Однако уже в начале мая 1939 г. нажим на Болгарию усилился. 2 мая генеральный секретарь турецкого министерства иностранных дел Н. Менеменчиоглу информировал Христова, болгарского посланника в Анкаре, о том, что «политическая ориентация Турции явно склоняется к англо-французской группе и что ввиду событий в западной и северной части Балкан — то есть в Албании и Румынии — Турция не может больше оставаться нейтральной». ³¹ Турецкое правительство ожидало к 15 мая приезда в Анкару Гафенку и стремилось приурочить к этому моменту конференцию для урегулирования болгаро-румынских спорных вопросов. ³² Поэтому уже 7 мая турецкий посланник в Москве Апайдын встретился с болгарским посланником Антоновым ³³ и изложил ему турецкий план, согласно которому Болгария должна была вступить в Балканскую Антанту, а Румыния — «согласиться только в принципе на известные территориальные уступки Болгарии, а практическое урегулирование вопроса должно быть передано на арбитраж остальных трех членов Балканского соглашения...». Антонов, который расценил предложение Апайдына как прямую угрозу Болгарии, отказался вести переговоры на таких условиях. С подобными предложением обратилось к Болгарии и французское правительство: 6 мая французский посол в Берлине Кулондр предложил Драганову, чтобы Болгария сначала вступила в Балканскую Антанту, а уже

²⁹ DGFP, Ser. D, vol. 6, № 320, p. 415—416.

³⁰ Ibid., p. 416, (подстрочная сноска).

³¹ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, д. 851, л. 34—35. Болгарский посланник в Анкаре Христов—МИД. 10.V. 1939.

³² DBFP, Ser. III, vol. 5, № 329, p. 387.

³³ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, д. 818, л. 20—21. Болгарский посланник в Москве Антонов—МИД. 7.V. 1939.

потом договаривалась с соседями.³⁴ Болгарский посланник ответил категорическим отказом, заявив при этом, что в случае войны Болгария намерена «остаться в стороне от конфликта», причем дал понять, что нейтралитет ее должен быть оплачен уступками соседей.

7 мая в Софию вторично, возвращаясь из Турции, прибыл В. П. Потемкин. На этот раз переговоры с болгарским правительством носили более конкретный характер: ознакомление с обстановкой на Балканах и переговоры в Анкаре, в ходе которых болгарская проблема занимала важное место,³⁵ убедили советского дипломата в том, что позиция Болгарии играет на руку «оси» и препятствует консолидации Балкан.³⁶ Потемкин «открыто предупредил болгарское правительство об опасных последствиях отхода от нейтральной внешнеполитической линии».³⁷ Советуя болгарам сохранять хладнокровие, терпение и, самое главное, лояльность к соседям, он отметил, что Советский Союз «не намерен поддерживать никакую агрессивную политику, какие бы справедливые цели она ни преследовала», а спорные вопросы следует урегулировать путем переговоров.³⁸ Однако Кыосеиванов отклонил совет Потемкина, сославшись на «свое недавнее заявление в парламенте, в котором он провозгласил как ревизионистские цели Болгарии относительно Добруджи и границ 1913 г., так и относительно греческой Фракии».³⁹ Хотя правящие круги Болгарии, так отмечал известный политический деятель Болгарии того времени Д. Казасов,⁴⁰ «легкомысленно отвергли» руку помощи, которую им протянул Советский Союз, ясная позиция Советского правительства сыграла немалую роль в том, что правительство царя Бориса продолжало придерживаться, в целом, выжидательной политики.

Положительная сторона советского предупреждения заключалась в том, что болгарское правительство вынуждено было с большей осторожностью относиться и к двойной игре английской дипломатии на Балканах. Выступление Гитлера 28 апреля,⁴¹ как отмечали советские дипломаты, вызвало рецидив мюнхенских настроений в столицах западных держав. Конкретно на Балканах это проявилось в том, что, затягивая переговоры с СССР, английское правительство вновь предложило гитлеровцам компромисс: нейтрализовать Балканы, превратив их в «буферную зону» — экономический хинтерланд Германии — в обмен на отказ от наступления на Ближнем Востоке. 3 мая 1939 г. в беседе с Папеном турецкий министр иностранных дел Сараджоглу предложил правительству

³⁴ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, д. 1031, л. 52—56. Болгарский посланник в Берлине Драганов—МИД. 6.V. 1939.

³⁵ СССР в борьбе за мир., № 264, стр. 358—361; № 273, стр. 372—375.

³⁶ I. Weinberg. Germany and Soviet Union. 1939—1941. L., 1954, p. 16.

³⁷ Д. Машев. Прогерманската ориентация., стр. 21.

³⁸ А. Генчев. Външнополитическата ориентация на България., стр. 169.

³⁹ DGFP. Ser. «D», vol. 6, № 346, p. 456.

⁴⁰ Д. Казасов. Видяно и преживяно. 1891—1944. София, 1969, стр. 605.

⁴¹ СССР в борьбе за мир., № 109, стр. 685—686.

рейха срочно определить свое отношение к Балканскому пакту, признав Балканы «буферной зоной», которую должны оборонять сами балканские государства.⁴² Идея «буферной зоны» была развита Н. Менеменчиоглу, генеральным секретарем турецкого МИД, во время встречи с Папеном на следующий день, 4 мая.⁴³ По мнению турок, восстановить равновесие на Балканах можно лишь путем изменения позиции Италии, которая должна дать гарантии своих миролюбивых устремлений на Балканах, убрав войска из Албании. Вслед за этим можно было бы вернуться к варианту балканского блока с участием Турции, Италии, Греции и Болгарии. Как справедливо отметил болгарский посланник в Женеве Караджов,⁴⁴ турецкие дипломаты, со своей стороны, видели, что создание подобного блока было бы «предпочтительнее даже с точки зрения английских интересов, чем переход Турции, Румынии и Греции на сторону англо-французского блока», так как «нейтральный блок не был бы подвержен риску германского нападения: в то время, как переход на сторону Англии не только оправдает, но даже сделает неизбежным нападение с целью захвата проливов...».

За предложением турок Папен увидел возможность изменить позицию Турции, оторвать ее от англо-французского блока; переговоры же о «буферной зоне» позволили бы ему выиграть необходимое для этого время. Для гитлеровцев, уже решивших вопрос о направлении первого удара,⁴⁵ «нейтрализация» Балкан позволила бы в период подготовки и проведения польской кампании нейтрализовать здесь активность как своих англо-французских соперников, так и итальянского союзника.

Во время миланской встречи между Риббентропом и Чиано 6 мая 1939 г. было достигнуто принципиальное решение о заключении итало-германского военно-политического союза.⁴⁶ Важное место в переговорах двух министров занимал вопрос об отношении к Балканской Антанте, в частности к Турции, однако выработать единый подход к этой проблеме не удалось: это было следствием различного подхода в Берлине и Риме к таким проблемам, как сроки развязывания европейского конфликта, место нанесения первого удара, сферы действий германской и итальянской армий (вопрос о так называемой «параллельной» войне).⁴⁷ Министры сошлись на том, что следует воспрепятствовать попыткам Англии втянуть Бол-

⁴² DGFP. Ser. «D», vol. 6, № 315, p. 409. Посол в Турции Папен—МИД. 3.V. 1939.

⁴³ Ibid., № 324, p. 418—419.

⁴⁴ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, д. 570, л. 168. Болгарский посланник в Женеве Караджов—МИД. 2.V. 1939.

⁴⁵ 11 апреля Гитлер подписал директиву о подготовке к нападению на Польшу. См.: Д. М. Проэктор. Агрессия и катастрофа, стр. 64.

⁴⁶ Подробнее об итало-германских переговорах весной 1939 г. см.: И. Н. Чемпалов. Итало-германские переговоры., стр. 21—22.

⁴⁷ Там же; см. также: А. С. Гроссман. Итало-германские отношения в 1939 году. — «Вопросы истории», 1967, № 5, стр. 59—60.

гарию в Балканскую Антанту и превратить этот блок в орудие нажима на «ось». «Болгария будет поддержана в любом случае»⁴⁸, — согласились они.

7 мая было публично объявлено о предстоящем заключении итало-германского союза, а на следующий день турецкое правительство информировало дипломатических представителей в Анкаре о предстоящем на днях подписании англо-турецкой декларации о взаимной помощи в Средиземноморье и на Балканах.⁴⁹ Болгарский посланник в Анкаре, сообщая об этом, отметил, что декларация «содержит какой-то параграф о Балканах» и хотя он сформулирован в общем и неясно, сообщение о декларации вызвало тревогу у болгар.⁵⁰ Сараджоглу, который информировал об этом Христова, отметил, что болгарский посланник «сильно побледнел».⁵¹ Одновременно болгарам дали понять, что турецкое правительство намерено продолжать усилия по привлечению Болгарии к Балканскому пакту.⁵² Таким образом, в начале мая 1939 г. на болгарское правительство был оказан серьезный нажим со стороны западных держав и Турции с целью заставить его отказаться от выжидательной позиции и примкнуть к англо-французскому блоку. Под этим нажимом правящие круги Болгарии вынуждены были продолжать политику «незафиксированных обязательств», отказаться от форсированного перехода на сторону «оси». Не присоединились они и к противоположной группировке. Перспективам урегулирования болгаро-румынских отношений был нанесен серьезный удар: 10 мая фашистская агентура в Румынии спровоцировала в селе Белица убийство 25 добруджанских болгар.⁵³ Резкое обострение отношений между Болгарией и Румынией, а также временное замешательство в столицах балканских государств, вызванное подписанием 12 мая англо-турецкой декларации, парализовали усилия по включению Болгарии в балканский блок, визит Гафенку в Анкару был перенесен с 15 мая на начало июня.

После опубликования англо-турецкой декларации в германском МИД был разработан новый подход к балканской проблеме, наиболее полно он был сформулирован в меморандуме Папена от 20 мая 1939 г.⁵⁴ Исходя из тезиса, что англо-турецкая декларация не расколола Балканы, а военный союз между Англией и Турцией еще можно предотвратить, гитлеровцы под лозунгом нейтрализации Балкан начинают энергичную борьбу за укрепление там своего влияния.

Политика держав «оси» в отношении Болгарии определялась во

⁴⁸ DGFP. Ser. «D», vol. 6, № 341, p. 451.

⁴⁹ DBFP. Ser. III, vol. 5, № 414, p. 463.

⁵⁰ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, д. 851, л. 36. Болгарский посланник в Анкаре Христов—МИД. 10.V. 1939.

⁵¹ DBFP. Ser. III, vol. 5, № 414, p. 463.

⁵² ЦДИА, ф. 176, оп. 7, д. 851, л. 36.

⁵³ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, д. 1031, л. 57.

⁵⁴ DGFP. Ser. «D», vol. 6, № 413, p. 544—546; И. Н. Чемпалов. Итало-германские переговоры..., стр. 23—24.

многом ее местом в планах создания балканского блока. Гитлеровцы стремились предотвратить переход ее на сторону Балканской Антанты и, используя вопрос о поставках вооружения и о политической поддержке режима царя Бориса, заставив болгар перейти на сторону «оси». Чтобы упрочить свое влияние на правящие круги Болгарии, руководство МИД Германии в середине мая назначило в Софию нового посланника, Э. фон Рихтхофена, опытного дипломата, имевшего связи с военными и придворными кругами в Софии еще со времен первой мировой войны. Для давления на болгарское правительство гитлеровцы использовали и вопрос о сроках предполагаемой поездки Кыосеиванова в Берлин: чувствуя заинтересованность болгарского правительства в этом визите, они связывали свое согласие принять премьера с отказом его от проведения выжидательной политики.⁵⁵ Хотя в середине мая в Берлине удовлетворительно закончились переговоры болгарской военной делегации с начальником отдела вооружений ОКВ генералом Томасом о поставках в Болгарию оружия из бывших чешских запасов,⁵⁶ собственно оружия из Германии в счет новых кредитов болгары пока не получали. Это позволило царю Борису в беседе с новым посланником Рихтхофеном 21 мая выразить недовольство тем, что «вооружение Болгарии только начинается, поэтому пока она имеет не оружие, а только его образцы»,⁵⁷ оправдывая тем самым свою тактику постоянного маневрирования.

В середине мая 1939 г. правящие круги западных держав принимают энергичные усилия, чтобы усадить гитлеровцев за стол переговоров. С этой целью расширяют свои усилия в балканских странах для создания там «нейтрального» блока, который, в зависимости от обстановки и, главное, от поведения гитлеровцев, мог быть превращен либо в «резервную зону» (турецкое предложение гитлеровцам), либо в антигерманскую военно-политическую группировку, связанную с англо-турецким союзом системой гарантий, двусторонних соглашений, а возможно и обязательствами по балканскому блоку. Инициативу в оформлении «нейтрального» блока взяла на себя румынская дипломатия.⁵⁸

21 мая, как раз накануне подписания в Берлине Стацкого пакта,⁵⁹ Гафенку встретился с югославским министром иностранных дел Цинцар-Марковичем в г. Турну-Северине: министры-«нейтрализаторы» согласовали позиции накануне важных дипломатических визитов. 1 июня югославский министр должен был отправиться в Берлин, а 10 июня начинался визит его румынского коллеги в Анкару. В официальном порядке, в первую очередь в столицах держав

⁵⁵ I' Documenti diplomatici italiani (DDI). Ser. VIII, vol. 12. Roma, 1952, № 10, p. 9. Посланник в Софии Таламо—МИД. 24.V. 1939.

⁵⁶ DGFP. Ser. «D», vol. 6, № 392, p. 514.

⁵⁷ Ibid., № 415, p. 547—548.

⁵⁸ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, д. 776, л. 11—17. Болгарский посланник в Анкаре Христов—МИД. 16.V. 1939.

⁵⁹ Г. С. Филатов. Крах итальянского фашизма. М., 1973, стр. 113—114.

«оси», целью поездки Гафенку являлось исключить § 6, касающийся Балкан, из окончательного текста англо-турецкого договора и добиться нейтралитета балканских государств.⁶⁰ Однако в дальнейшем, после подписания Стального пакта, румынская активность приобретает все более тревожную для «оси» окраску: за ней вновь встает призрак проанглийского общевосточного блока. Возражения Бухареста и Белграда против англо-турецкой декларации вскоре отступили на второй план, а в балканских столицах заговорили о необходимости присоединения Болгарии к Балканской Антанте.⁶¹

Болгарские правящие круги в целом с удовлетворением встретили подписание Стального пакта, считая, что оформление итало-германского военно-политического союза должно подтолкнуть прямые переговоры между двумя «противостоящими европейскими блоками».⁶² Продолжая маневрировать в условиях растущего давления со стороны двух группировок держав, и чтобы ослабить этот нажим, болгарское правительство пыталось расширить сотрудничество с Италией. 24 мая в беседе с итальянским посланником А. Таламо Кыосеиванов поддержал итало-югославский вариант балканского блока, участие в котором, по его мнению, кроме обладания Добруджей, «...позволило бы впоследствии разрешить также Фракийскую проблему».⁶³ Для итальянских фашистов, вынашивавших далеко идущие планы на Балканах, «болгарская карта» приобретала все большее значение, и, чтобы заполучить ее, Чиано не скупился на обещания.⁶⁴ 29 мая в переговорах с болгарским посланником Св. Поменовым⁶⁵ итальянский министр иностранных дел потребовал от Софии безоговорочного перехода на сторону оси и отказа от «нейтральной» позиции, которую болгары пытались, по его мнению, копировать с позиции Югославии. При этом Чиано особо подчеркнул, что «поскольку отныне Италия заняла на Балканах позицию первостепенной важности, также со стратегической точки зрения, болгарскому правительству следует укрепить свои отношения с нами (Италией. — Ю. К.), для того, чтобы совместно рассмотреть подготовку на случай возникновения войны».⁶⁶ В ответ на ссылки Поменова на неподготовленность Болгарии к такому шагу с военной точки зрения, Чиано заявил о готовности Италии и Германии «поставить Болгарии нужное ей вооружение при условии, что она четко определяет свою внешнеполитическую линию». Сооб-

⁶⁰ DBFP. Ser. III, vol 6, № 17, 18, 20, 21; см также: Л. Живкова. Англо-турецкие отношения..., стр. 162—163; Кр. Манчев. Югославия и фашистские государства в канун второй мировой войны (1937—1939).—«Etudes Balkaniques», 1964, 1, стр. 22.

⁶¹ DDI. Ser. VIII, vol. 12, № 7, p. 7; ЦДИА, ф. 176, оп. 7, д. 776, л. 15—17.

⁶² DDI. Ser. VIII, vol. 12, № 5, p. 4. Посланник в Софии Таламо—МИД. 22.V. 1939.

⁶³ Ibid., № 9, p. 8. Посланник в Софии Таламо—МИД. 24.V. 1939.

⁶⁴ См.: I. Lukacs. The Great Powers and Eastern Europe. N. Y., 1953, p. 750.

⁶⁵ DDI, Ser. VIII, vol. 12, № 60, p. 50; The Ciano Diaries. 1939—1943. N. Y. 1946, p. 89; Н. Генчев. Външнополитическата ориентация на България..., стр. 37—38.

⁶⁶ DDI. Ser. VIII, vol. 12, № 60, p. 50.

шая на следующий день Таламо о разговоре с Поменовым, Чиано поручил ему довести до сведения болгарских официальных лиц, что «1. Болгария не должна ни в коем случае связывать себя в каком-либо балканском пакте, что для нее представляло бы вступление в блок. 2. Она должна ясно заявить о своей солидарности державам «оси», которые смогут удовлетворить ее национальные чаяния...».⁶⁷ Однако Кюсеиванов уклонился от конкретных обязательств, прямо дав понять, что в Софии стремятся выиграть время, подождать результатов важных для позиции Болгарии поездок югославских руководителей в Берлин, а Гафенку — в Анкару.⁶⁸ Если, с одной стороны, выход Югославии из Балканской Антанты серьезно облегчил бы положение монархо-фашистской Болгарии, то, с другой стороны, отход Югославии от политики лавирования и принятие конкретных обязательств либо в отношении «оси», либо — англо-французского блока, поставил бы Болгарию в полную изоляцию на Балканах, заставил бы царское правительство выбирать...

Германо-югославские переговоры в Берлине (1—5 июня) не смогли прояснить обстановку: югославы тоже выжидали. Цинцар-Маркович не только отказался выйти из Лиги наций и открыто присоединиться к антикоминтерновскому пакту, но и уклонился от обещания покинуть Балканскую Антанту.⁶⁹ Гитлеровцам не удалось также заставить югославов открыто отмежеваться и от позиции Румынии и от интриг с целью вовлечь Болгарию в «нейтральный» блок.⁷⁰

По мере приближения визита Гафенку в Анкару возрастало беспокойство в Берлине, Риме и особенно в Софии. Стараниями англо-турецкой дипломатии и прессы этому визиту был придан характер решающего шага на пути к созданию общевосточного блока с участием Болгарии. Причем создавалось впечатление, что Болгария, в свою очередь, «может рассчитывать в разрешении своих национальных проблем только на Великобританию».⁷¹ На самом же деле, инструктируя Гафенку перед отъездом в Турцию, английские дипломаты ставили перед ним задачу втянуть болгар в переговоры вокруг второстепенных вопросов с тем, чтобы «сохранить Болгарию хотя бы нейтральной в случае европейской войны».⁷² 9 июня Гафенку вновь публично призвал Болгарию присоединиться к Балканскому пакту, однако категорически отказался идти на территориальные уступки.⁷³

⁶⁷ Ibidem.

⁶⁸ DDI. Ser. VIII, vol. 12, № 100, p. 82. Посланник в Софии Таламо—МИД. 3.VI. 1939.

⁶⁹ Ibid., № 98, p. 81; I. Lukacs. Great Powers and Eastern Europe, p. 234.

⁷⁰ Ibidem; I. Hoptner. Yugoslavia in crisis, 1934—1941. N. Y.—L., 1962, p. 164.

⁷¹ DDI. Ser. VIII, vol. 11, № 143, p. 126. Посланник в Софии Таламо—МИД. 7.VI. 1939; см. также: H. Knatchbul-Hugessen. Diplomat in peace and war. L., 1949, p. 155—156.

⁷² DBFP. Ser. III, vol. 6, № 13, p. 18—19.

⁷³ DGFP. Ser. «D», vol. 6, № 508, p. 699.

Шум, поднятый вокруг поездки Гафенку и возможного образования «нейтрального» блока, вызвал вмешательство «оси»: 9—10 июня Бухаресту и Анкаре был заявлен решительный протест против попыток распространить действие англо-турецкой декларации на Балканы и сколотить здесь **новый блок**.⁷⁴

В Софии румынская активность вызвала смешанное чувство надежды и тревоги. С одной стороны, переговоры в Анкаре могли открыть дорогу к удовлетворению болгарских территориальных претензий, хотя растущая неуступчивость румын делала такую возможность маловероятной. С другой стороны, болгарское правительство боялось, что поездка румынского министра в Турцию и Грецию приведет к еплочению трех членов пакта на основе англо-турецкой декларации и от Болгарии потребуют, под угрозой применения силы, безоговорочно присоединиться к балканскому блоку.⁷⁵ Военные приготовления на болгарских границах делали такую возможность вполне реальной. Безусловно, болгарское правительство не могло не считаться и с возросшей активностью фашистской дипломатии в Софии. Лихорадочные попытки Таламо заставить Кыосеиванова дать четкое определение отношения Болгарии к «нейтральному» блоку и склонить его к принятию определенных обязательств в отношении «оси» оставались, однако, безрезультатными. Среди бесчисленных оговорок и ссылок на объективные условия Таламо добился от болгарского премьера лишь твердого заверения в том, что «Италия может положиться на Болгарию и что никогда Болгария не выступит против нас». «Пока это все, — с раздражением констатировал итальянский посланник, — чего удалось добиться от софийского правительства».⁷⁶

Гитлеровцы, которые до сих пор проявляли спокойствие относительно своих экономических и политических позиций в Болгарии, также вынуждены были включиться в кампанию давления: вновь был поднят вопрос о поставках оружия и визите Кыосеиванова в Берлин.⁷⁷ Заверяя гитлеровцев в своей лояльности в отношении к Германии, болгарский премьер с гневом отверг различные интриги, в том числе и итальянского посланника, имеющие целью представить его в «роли не заслуживающего доверия клиента». Кыосеиванов вновь обратился к Берлину с просьбой ускорить поставки чешского вооружения, причем обязательно в счет германского кредита от 21 апреля 1939 г. Переговоры убедили Рихтхофена в необходимости в сложившейся обстановке удовлетворить просьбу о поставках оружия, а также ускорить поездку премьера в Берлин.⁷⁸ Вейцзекер в целом был согласен, однако считал

⁷⁴ DBFP. Ser. III. vol. 6, № 12, p. 17—18; DDI. Ser. VIII, vol. 12, № 177, 178, 179, 180, 184.

⁷⁵ DDI. Ser. VIII, vol. 42, № 88, 97, 100. Посланник в Софии Таламо—МИД. 1, 2, 3.VI. 1939.

⁷⁶ Ibid., № 214, p. 186. Посланник в Софии Таламо—МИД. 13.VI. 1939.

⁷⁷ DGF. Ser. «D», vol. 6, № 476, p. 640—641; № 479, p. 644—645; № 480, p. 645—646.

⁷⁸ Ibid., № 480, p. 646.

необходимым связать поставки оружия с принципиальной готовностью Болгарии присоединиться к антикоминтерновскому пакту.⁷⁹

12 июня Рихтхофен прямо поставил этот вопрос перед болгарским премьером.⁸⁰ Кыосеиванов вновь уклонился от конкретных обязательств, сославшись на трудности внутри- и внешнеполитического характера, а также на то, что этот вопрос никогда не обсуждался официально. Причем, когда в феврале 1939 г. он был поднят во время переговоров в Берлине военными и совершенно неофициально, даже Муссолини не советовал царю Борису торопиться с подобным шагом. Обстановка на Балканах, в частности отказ Югославии покинуть Балканский пакт и возрастающий нажим на Болгарию со стороны Турции и Румынии, также не способствуют принятию такого решения. Во всяком случае, без царя Бориса Кыосеиванов не мог дать определенного ответа на поставленный вопрос (царь же, как это нередко случалось в самые напряженные моменты, был «болен»). Гитлеровцы еще раз убедились в том, что болгары продолжают маневрировать и что присоединение Болгарии к антикоминтерновскому пакту «может быть достигнуто, если Болгария будет вооружена как можно быстрее из чешских военных запасов и если она будет поддержана денонсацией Югославией Балканского пакта».⁸¹

11—14 июня в Анкаре находился с официальным визитом румынский министр иностранных дел Гафенку.⁸² В планах создания «нейтрального» блока этой поездке придавалось большое значение. По инициативе английского посла в Анкаре Хьюджессена, французского посла Масигли и турецкого министра иностранных дел Сараджоглу 11 июня во время банкета состоялась конфиденциальная встреча между Гафенку и болгарским посланником Христовым. В своих мемуарах⁸³ Гафенку пытается придать этой встрече анекдотический характер: на его заявление, что Румыния согласна передать болгарам Добруджу и хотела бы знать, какие еще уступки необходимы для присоединения Болгарии к балканскому блоку, совершенно огорошенный Христов со всей серьезностью изложил ему всю программу территориальной ревизии в пользу Болгарии (включая Фракию, Цариброд и выход к Эгейскому морю).⁸⁴ Гафенку подчеркивает, что болгарский дипломат был совершенно не готов к такому разговору и своим поведением убедил его в нежелании болгарского правительства проявить умеренность в территориальном вопросе. Со своей стороны Христов также пытался представить этот эпизод как досадное недоразумение, так как он был оставлен

⁷⁹ Ibid., № 500, p. 687.

⁸⁰ Ibid., № 508, p. 698—700.

⁸¹ Ibidem.

⁸² Подробнее о визите Гафенку см.: DBFP. Ser. III, vol. 6, № 28, 39, 40, 53, 65; Л. Живкова. Англо-турские отношения., стр. 164.

⁸³ G. Gafencu. The last days of Europe, p. 194.

⁸⁴ Ibidem; DBFP. Ser. III, vol. 6, № 28, p. 29—30.

своим правительством без инструкций.⁸⁵ Подобные заявления не соответствуют истине. Конфиденциальная встреча Гафенку с Христовым предназначалась скорее для присутствовавших на банкете Падена и итальянского посланника Де Пеппо, поскольку позиции сторон были определены еще до встречи: Гафенку в своем парламентском заявлении от 9 июня исключил возможность территориальных уступок, а болгарский посланник также совершенно сознательно отказался от присоединения к новому блоку, повторив традиционные болгарские претензии к своим соседям. Накануне отъезда Христова 25 мая для консультаций в Софии Сараджоглу по поручению англичан передал болгарскому правительству следующие предложения: «Болгария немедленно вступает в Балканскую Антанту; если после двух лет ее притязания в отношении Южной Добруджи не будут удовлетворены, Турция, Греция и Югославия попытаются решить вопрос арбитражем. Болгария должна отказаться от всех других требований во Фракии».⁸⁶ Кьосеиванов категорически отказался от переговоров на такой основе, о чем Христов по приезде в Анкару 7 июня информировал Сараджоглу. «Так, — по мнению Де Пеппо, — был похоронен вопрос об участии Болгарии в Балканской Антанте».⁸⁷

Чем объяснить, что болгарское правительство отвергло турецкое предложение, уклонилось от участия в английских интригах по созданию на Балканах «нейтрального» блока?

Безусловно, постоянный и целенаправленный нажим со стороны держав «оси», обещания гитлеровцев ускорить поставки вооружения и поддержать территориальные претензии Болгарии сыграли свою роль. Однако разгадка поведения правящих кругов Болгарии в период наивысшей активности вокруг проекта «нейтрального» блока заключается в позиции самой Англии. Свою дипломатическую активность на Балканах Лондон официально пытался представить как борьбу за включение стран этого региона в «фронт мира», связать с тройственными переговорами в Москве. Мюнхенская же позиция Англии в этих переговорах была в целом ясна болгарской дипломатии. Ясно было для нее и то, что без участия Советского Союза оборонительный антифашистский блок на Балканах неосуществим. Болгарское правительство понимало, что «...англо-турецкий пакт о взаимной помощи остается висеть в воздухе до тех пор, пока не будет обеспечено участие Советского Союза, что произойдет лишь после успешного завершения англо-советских переговоров...»⁸⁸. Не случайно 11 июня, в день приезда Гафенку в Анкару, Антонов бесцеремонно допытывался у В. П. Потемкина, насколько реальна в ближайшее время поездка Сараджоглу в Мос-

⁸⁵ DBFP. Ser. III, vol. 6, № 28, p. 30.

⁸⁶ DDI. Ser. VIII, vol. 12, № 217, p. 188. Посланник в Анкаре Де Пеппо — МИД. 13.VI. 1939.

⁸⁷ Ibidem.

⁸⁸ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, д. 1139, л. 4. Болгарский посланник в Москве Антонов — МИД. 28.V. 1939.

кву, слухи о которой распускались турецким посольством. Недоуменная реакция Потемкина утвердила болгарское правительство в мнении, что подобное развитие событий возможно только в результате успешного завершения тройственных англо-франко-советских переговоров, «исход которых в настоящее время остается еще неопределенным».⁸⁹ Без участия Советского Союза английская дипломатическая активность на Балканах не могла выйти за рамки маневров с целью давления на Берлин. Не могло болгарское правительство игнорировать и советское предупреждение держаться подальше от империалистических происков в Юго-Восточной Европе.⁹⁰ Все это предопределило отрицательное отношение болгарского правительства к «нейтральному» блоку, обусловило его выжидательную позицию.

Переговоры Гафенку в Анкаре, а затем и в Афинах не привели к радикальному изменению обстановки на Балканах. Возня вокруг § 6 англо-турецкой декларации имела определенный смысл в тактике давления на Берлин. Лондон поощрял выступления Югославии и Румынии за «нейтрализацию» Балкан, но под своим политическим контролем. Однако для гитлеровцев такие условия оказались неприемлемыми. Этот факт, а также колебания самих балканских государств, привели к тому, что проект «нейтрального» блока, над осуществлением которого в мае—начале июня 1939 г. трудилась по заданию Лондона румынская дипломатия, не был реализован. Вот почему с конца июня, после подписания франко-турецкой декларации, аналогичной англо-турецкой, попытки договориться с Софией сменяются открытым военным и политическим нажимом как со стороны Германии, так и со стороны англо-французской группировки.

---

⁸⁹ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, д. 793, л. 51. Болгарский посланник в Москве Антонов — МИД. 11.VI. 1939.

⁹⁰ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, д. 1139, л. 1. Болгарский посланник в Москве Антонов — МИД. 15.V. 1939.